

доктор филологических наук

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОШИБКИ В МИРЕ Н.В. ГОГОЛЯ

статья первая

Если мир Ф. Достоевского принято определять как мир случайностей и *вдруг*, то мир Н. Гоголя вполне возможно обозначить как мир ошибок и заблуждений.

Герои Н. Гоголя бесконечно и весьма разнообразно ошибаются и в большом, и в малом. Так, ошибаются козаки на Сорочинской ярмарке, приняв розыгрыш цыган и хлопцев за проделки черта, ищущего свою красную свитку ("Сорочинская ярмарка"); ошибается достойный голова, введенный в заблуждение веселыми забавами хлопцев, ошибается Левко, подумав, что его возлюбленная вышла на свидание с другим ("Майская ночь, или Утопленница"); ошибаются почтенные мужи Диканьки, веря, что каждый из них – единственный осчастливлен ласками Солохи, ошибается капризная красавица Оксана, поверив сплетням деревенских кумушек о том, что кузнеца Вакулы нет больше на этом свете ("Ночь перед Рождеством"); ошибается бедная Катруся, уверовав раскаянием отца своего ("Страшная месть"); ошибается дед, погнавшись за сокровищами нечистого ("Заколдованное место"); ошибается философ Хома Брут, в самом начале летних вакансий сбиваясь с дороги в широкой степи ("Вий"); ошибается старый козак Бульба в младшем сыне своем Андри ("Тарас Бульба"); ошибается Чертокуцкий, запрятавшись от гостей в коляске, которую собственно и приглашал их посмотреть ("Коляска"); ошибаются жители Петербурга, приняв нос за почтенного человека, ошибается майор Ковалев, обвиняя в пропаже своего носа ни в чем не повинных людей ("Нос"); ошибается в выборе дороги домой Акакий Акакиевич, плененный своей новой шинелью ("Шинель"); ошибается весь цвет уездного городка, всерьез приняв проезжего мелкого чиновника из Петербурга за грозного ревизора ("Ревизор"); ошибается Кочкарев, переоценив свои способности в деле сватовства ("Женитьба"); ошибается прожженный плут и карточный шулер Ихарев, приняв за чистую монету обман шайки мошенников, которые и не скрывают своей сущности ("Игроки"); ошибается весь уездный город и местные помещики большой и средней руки, поддавшись чарам обходительности и приятности Чичикова ("Мертвые души").

Вообще крайне трудно перечислить все случаи, когда, кто и как из героев ошибается в мире Н. Гоголя. Почти все они проходят через череду всевозможных ошибок, промахов, оплошностей, недоразумений и заблуждений, постоянно попадая то в комические, то в драматические ситуации, то даже заканчивая жизнь трагически. Ошибки в мире Н. Гоголя проявляются на всех уровнях его (особого внутреннего мира художественного произведения) организации: и в сюжете, и в композиции, и архитектонике, и в особенностях построения системы героев и персонажей, и в построении образов, и в общей стилистике. Ошибка оказывается знаковым явлением в гоголевском мире.

В связи с этим интересно вспомнить, что Ю. Лотман и Ю. Цивьян, показывая зарождение и развитие киностиля, отметили его следующую особенность: "кино – искусство, рассказывающее изображениями. Один и тот же сюжет может быть воплощен в совершенно непохожих изображениях, и это называется стилем фильма" [1, с.150]. Это семиотическое по своей сущности замечание, актуализированное одним из излюбленных сюжетных ходов в мире Н. Гоголя, обнаруживает и обнажает одну из закономерностей бытия этого мира. Гоголевские герои, разные по времени создания, порожденные различным мироощущением писателя, но при этом все совершенно одинаково ошибаются в дорожном повороте, сбиваются с пути, попадая в абсолютно иное место относительно изначальной цели своего путешествия. Этот вполне хрестоматийный для мировой словесности сюжетный ход, например, приводит к смерти Хому Брута и Акакия Акакиевича, а Вакулу и Левка – к свадьбе, Чуба и уважаемого голову – к расстройству их любовных приключений, а

достойную Солоху и свояченицу головы – к окончательному краху их матримониальных планов, старого же деда – к спасению души, но и одновременно к гибели урожайного места, Чичикова – к раскрытию тщательно продуманного, хитроумного мошенничества.

Аналогичным образом реализуется и такой знак гоголевского стиля, как явная карнавализация мира, основанная на изначально допущенной, авантюрной по своей сущности, ошибке, череде недоразумений, оплошностей и, как следствие, обмане. Подобного рода карнавализация мира, по-разному проявляемая, преследующая различные цели, несущая разную функциональную нагрузку, одновременно присуща и многим повестям "Вечеров на хуторе близ Диканьки" и поздним драматическим произведениям – "Ревизор", "Игроки". При этом ошибка, заблуждение в этих произведениях в равной мере являются смыслоопределяющими и смыслопроявляющими факторами, без которых фактически невозможно понимание сути происходящего. Например, и в "Сорочинской ярмарке", и "Игроках" одинаковый сюжетный ход – мошенничество с целью выгоды – проделывают с теми, кто хочет перехитрить других: завистливая мачеха своего мужа и падчерицу, а Ихарев – коллег по ремеслу. Ошибки, их возникновение, понимание, принятие и переживание оказываются в гоголевском мире в целом глубоким стилеобразующим началом, когда один и тот же сюжетный ход, прием воплощается почти тождественно в различных по тональности произведениях.

Более того, ошибки действительно пронизывают и выстраивают даже нюансы и незначительные подробности гоголевских произведений, изначально определяя специфику его мира в целом. Например, уже в "Ночи перед Рождеством" Н. Гоголь вводит один фактически ничего незначащий персонаж, или даже точнее, простое упоминание о некоем хромом Левченко. Козак Чуб, сбитый с дороги злым и преднамеренным вредительством черта, отчаянно и окончательно заблудившийся в родном селе, по оплошности не узнавший собственной хаты из-за голоса кузнеца, в недоразумении размышляет о следующем. "Э, нет, это не моя хата, – говорил он про себя: – в мою хату не забредет кузнец. Опять же, если посмотреть хорошенько, то и не кузнеца. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! Это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось сначала немного чудно, что так скоро пришел домой. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Э-ге-ге! Он ходит к его молодой жене. Вот так! Хорошо!.. Теперь я все понял" [2, с.98]. И если в общем умозаключения Чуба, изначально полностью ошибочные в своих предпосылках и основаниях, еще можно обосновать их значимостью для дальнейшего развития сюжета повести, то идеи старого козака относительно Левченко и поведения его молодой жены, которые больше никогда не появятся в тексте, выглядят немного неуместными, как будто избыточными с точки зрения художественно-эстетического начала. Чрезмерное масштабирование мира в случае с хромым Левченко и почти эскизное, в сопоставлении с подобного рода филигранной детализацией, обозначение первого рождественского утра в Диканьке, увидевшей, частично даже понявшей череду ошибок, пуганиц, оплошностей и недоразумений, актуализирует вопрос о роли подробных описаний в тех местах произведения, где они, казалось бы, наименее уместны.

Естественно, их можно, вполне убедительно и литературоведчески закономерно, объяснить с точки зрения поэтики становящегося реализма или же того, что В. Хализев, вслед за Л. Толстым, называет решающей ролью в искусстве "бесконечно малых" [3, с.7]. Но тогда с особой силой активизируется вопрос: только ли пристальным интересом классиков русской литературы XIX ст. к человеческой личности, к людям обыкновенным [3, с.7-9] возможно мотивировать ответ на вопрос, почему все же Н. Гоголю необходимо было вводить столь развернутое, практически, ювелирно выписанное ошибочное допущение относительно семьи Левченко? Возможно ли в данном, и подобном ему случаях, принимать как доминирующее, обоснование ошибок героев психологизмом и тонким, чутким,

мастерским проникновением Н. Гоголя в логику бытового поведения обыкновенного человека, шире – того, что Н. Арсеньев называл *тканью жизни*?

Представляется недостаточным, а главное методологически неправильным, трактовать ошибки гоголевских героев, основываясь только лишь на нормах и закономерностях традиционной поэтики, мифопоэтики или же словесно-культурной памяти и типологической преемственности произведений в *большом времени* (М. Бахтин). Это объясняется тем, что подобного рода подходы не позволят системно, целостно увидеть и осмыслить роль, статус, функции и типы ошибок, а главное – субстанциальную природу и онтологическую сущность ошибки в мире Н. Гоголя. То, что с первого взгляда вплетено в общую поэтику художественного произведения и обусловлено её закономерностями, вполне может обнаружить и обнажить иные, качественно отличные значения и смыслы, при смене методологических подходов и перспектив. То, что вполне вписывается в логику развития, например, сюжета или же образа, демонстрирует бытовой или же социальный комизм ситуации, проявляет действие тех или иных мифологем, может разрушить горизонт ожидания, если смотреть на ошибку в гоголевском мире как на некое вполне самостоятельное, своеобразное и самоценное явление. При этом явление изначально способное и призванное показать не только ценностные ориентации, но и витальные силы, онтологические и экзистенциальные основания этого мира, его перспективы, границы, возможности, а главное – их пределы. Ведь далеко не случайно, что, казалось бы, принципиально незначительные, обиходно-житейские по своей природе ошибки в мире Н. Гоголя, актуализированные относительно самоценности и самозначимости своего сложного, целостного по своей сущности смыслового единства, как правило, продуцируют онтологически и экзистенциально непоправимые результаты или же открывают качественно новое знание и ощущение жизни. Ошибки, самые нелепые оплошности, немислимые недоразумения, глупейшие, банальные заблуждения актуализирует сдвиги и активные трансформации в глубинных и тончайших пластах жизни. Что имеется ввиду?

Если рассматривать ошибки гоголевских героев не как некое единство, а как явление, характеризующее поэтику каждого отдельного произведения, то их, ошибки, можно типологизировать следующим, в общем традиционным по своей сути, образом. Ранние гоголевские произведения – это то, что вполне логично актуализируется, прежде всего, значимостью мифопоэтических представлений писателя. Ошибка – результат нарушения/разрушения первичной гармонии мира, *живого и говорящего Космоса, освященности Природы, священного Времени и священного Пространства, законов космической религии* (М. Элиаде). Поздние гоголевские произведения – это то, что вполне логично актуализируется, в первую очередь, ценностными ориентациями русской классической литературы, её глубокой духовностью, нравственно-этическими поисками, когда "в литературе XIX века, наряду с её социально-критическим, а порой и обличительным "настроением", оказывалось неопределимо важным *мироприемлющее* начало" (курсив автора – Э.Ш.) [3, с.8]. Ошибка – итог нарушения не только социального общежития, но и потрясение духовно-нравственных оснований общечеловеческой жизни, невозможность принятия мира во всей его полноте. С этим, кажется, довольно-таки трудно спорить.

Так, и "Майская ночь, или Утопленница", и "Ночь перед Рождеством", и "Страшная месть", и "Вечер накануне Ивана Купала", и "Заколдованное место", и "Вий" не просто вписываются в представления и закономерности мифопоэтики, а, кажется, выступают их иллюстрацией. Ошибки, которые допускают герои этих произведений, – это ошибки людей, которые сознательно или же в силу забывчивости, невнимательности, безрассудности, глупости, излишней самоуверенности или же безвыходности преступают, игнорируют закономерности и нормы "модальности сакрального", "одной из ситуаций, в которые ставит человека его приобщение к сакральному" [4, с.18]. "Тарас Бульба", "Коляска", "Шинель", "Портрет", "Нос", "Мертвые души", "Ревизор", "Игроки", "Женитьба" – классика русской словесности, демонстрирующая "духовную и "поведенческую" причастность нравственным

и религиозным императивам" [3, с.9]. Ошибки, которые допускают герои этих произведений, – это ошибки людей, которые сознательно нарушают или же игнорируют законы социума и духовных оснований человеческой жизни, и именно за это расплачиваются. Не случайно, городничий в "Ревизоре" произносит: "Как я? Нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! Нечего и говорить про губернаторов... Сосульку, тряпку принял за важного человека!" [5, с.73]. Ошибка оказывается своеобразным наказанием за духовно-нравственную слепоту героя, когда, например, городничий расплачивается за цинизм, корыстолюбие, а Тарас Бульба – за чрезмерное любование своими сыновьями. Однако под таким углом зрения, практически, невозможно говорить о целостности гоголевского мира, увидеть и обозначить основу для артикуляции не просто множества ошибок, а ошибки как ценностного способа концепирования мира, способности приобщения к некоему *трагически-космическому опыту осмысления, ощущения* мира и человека (М. Фуко).

Литература:

1. Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. – Таллинн: Александра, 1994.
2. Гоголь Н.В. Избранное. – М.: Просвещение, 1986.
3. Хализев В. Ценностные ориентиры русской классики. – М.: Гнозис, 2005.
4. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999.
5. Гоголь Н.В. Драматические произведения. – К.: Мистецтво, 1984.

Анотація

Е. ШЕСТАКОВА. ФІЛОСОФСЬКІ ПІДСТАВИ ПОМИЛКИ У СВІТІ М.В. ГОГОЛЯ

У статті розглядаються філософські підстави помилки в художньому світі М.В. Гоголя. Помилки у світі М. Гоголя проявляються на всіх рівнях його організації: в сюжеті, в композиції, архітектоніці, в особливостях побудови системи героїв і персонажів, в побудові образів, в загальній стилістиці. Помилка виявляється здатністю й шляхом до істини, що відкривається не через раціональний пошук і підстави, не через дотримання етичних норм, законів, приписань, і навіть не через інтуїтивне прозріння. Помилка в гоголівському світі типологічно близька філософії ранньої, до сократівської, Античності й філософії Хайдеггера.

Ключові слова: помилка, омана, художній світ, філософська традиція, типологічна наступність.

Аннотация

Э. ШЕСТАКОВА. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОШИБКИ В МИРЕ Н.В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются философские основания ошибки в художественном мире Н.В. Гоголя. Ошибки в мире Н. Гоголя проявляются на всех уровнях его (особого внутреннего мира художественного произведения) организации: и в сюжете, и в композиции, и архитектонике, и в особенностях построения системы героев и персонажей, и в построении образов, и в общей стилистике. Ошибка оказывается способностью и путем к истине, открывающейся не через рациональный поиск и основания, не через соблюдение этических норм, законов, предписаний, и даже не через интуитивное прозрение. Ошибка в гоголевском мире типологически близка философии ранней, до сократовской, Античности и философии Хайдеггера.

Ключевые слова: ошибка, заблуждение, художественный мир, философская традиция, типологическая преемственность.

Summary

**E. SHESTAKOVA. PHILOSOPHICAL GROUNDS OF ERROR IN THE WORLD
OF N.V.GOGOL**

In the article philosophical grounds of error are examined in the artistic world of N.V. Gogol. Errors in the world of Gogol show up at all levels of his (special internal world of artistic work) organization: both in subject and in composition, and architectonics, as well as in features of construction of the system of heroes and characters, and in construction of appearances, and in general style. An error appears a capacity and way for truth that opens not through a rational search and grounds, or through the observance of ethic norms, laws, orders, and even not through intuitional enlightenment. An error in Gogol's world is typologically approached to early philosophy, before Socrates, of Antiquity and philosophy of Heidegger.

Key words: break, wrong belief, art world, philosophical tradition, typological succession